

ОБРАЗ ЖИЗНИ

ПРАЗДНИК

Была земля белым-бела, мела метель...

В галерее «Марис-арт» отметили Татьянин день

Юлия Баталина

Для любителей искусства Татьянин день в Перми — это не просто именины многих достойных женщин и студенческий праздник, но ещё и непременно вечеринка в галерее «Марис-арт», которую ежегодно устраивает хозяйка галереи, обладательница символического имени и не менее символической фамилии — Татьяна Пермякова.

В «Марисе» всегда собирается тёплая компания ценителей искусства, которое мужественно и последовательно продвигает эта галерея — искусства пермских художников, достойных того, чтобы их работы находились в хороших коллекциях. В разные годы в программе вечера бывали разные события: были, например, концерты, создававшиеся силами талантливых гостей, были даже модные дефиле... Неизменны два пункта — вернисаж и пироги. Завсегдатаи могут с уверенностью рассчитывать на пирог с лимоном — излюбленный десерт хозяйки. Ну, и вернисаж всегда достойный.

Нынешний вечер был связан с именем одного из постоянных авторов «Мариса» — Анатолия Филимонова. На протяжении всей своей деятельно-

сти галерея активно работает с этим художником — работала с ним самим и стала инициатором создания его знаменитой живописной серии «Пермь 100 лет назад», а после его трагической и совершенно безвременной смерти в 2002 году, накануне 53-летия, продолжает работать с его наследием.

Казалось бы, наследие Филимонова хорошо известно и уже в изрядной мере разобрано коллекционерами, однако Татьяна Пермякова умудрилась в очередной раз не просто собрать достойную подборку работ, но и полно и разнообразно представить творчество художника — его любимые темы, серии и приёмы.

Филимонов был автором очень мастеровитым, не боящимся сложных технологий и материалов, и в экспозиции в «Марисе» есть и его знаменитые эмали, и его «горячие» батики, и, разумеется, легендарные «двойные» картины, где совмещены эмаль и живопись. Филимонов сам изобрёл этот приём, и модное слово «ассамбляж» ему вряд ли было известно. В его работах это не приём ради приёма, а средство создать произведение, обладающее особой многомерностью. Благодаря переходу изображения из одной плоскости в другую — из живописной в эмалевую и наоборот — сюжет каждой такой картины становится буквально вселенским. В нём такие открываются загадочные глубины! Даже если речь идёт о предметах обыденных, как, например, «Рынок вечером», или камерно-лирических, как «Свидание», а что уж говорить о символических сюжетах вроде «Воскресения» или «Сна о вечном покое»?

Анатолий Филимонов был, несомненно, художником-реалистом, но умел как-то аккуратно отойти от конкретики, которая присуща традиционному подходу к изображению реальности. Он, например, избегал рисовать лица, обладающие чертами портретного сходства с кем-то — хотя умел, о чём говорит хотя бы присутствующий в экспозиции автопортрет. Благодаря такому подходу Филимонову не нужны были модели, чтобы нарисовать Иисуса, Ноя или Андрея Рублёва — их лица со слегка расплывчатыми чертами архетипичны, а лица второстепенных персонажей, например апостолов в «Тайной вечере», вообще не слишком различимы.

Речь идёт, конечно же, о знаменитой библейской серии — большом

ФОТО ОЛЬГА ШУР

Анатолий Филимонов. Автопортрет

цикле картин малого формата, написанных с невероятной плотностью — поверить невозможно, что это холст, кажется, что опять эмаль. Это картины-притчи, в каждой из них — мощь и загадка. Взять хотя бы «Ноя, выпускающего голубя с палубы ковчега»: в нём столько мощи, динамики и силы, его фигура настолько притягивает внимание, что уже не имеют значения детали.

Филимонов любил небольшие картины, но при этом мастерски создавал масштабные панорамы. Их в «Марисе» несколько. Минималистичный, почти монохромный «Рассвет», где стадии превращения ночи в день разделены на три полотна, объединённые общим зимним пейзажем. «Чурбушево», где четыре разных пейзажа, выполненные в единой манере и едином колорите, сливаются в «многосерийную» картину спокойной деревенской жизни. Наконец, «Окно» — обаятельное единство уютного микромира квартиры, где на подоконнике расцветают фиалки в горшках, и большого мира города, открывающегося с высоты многоэтажки.

Хотя в нынешней экспозиции нет картин из цикла «Пермь 100 лет назад» (вся серия находится в частной коллекции), но пермских пейзажей здесь достаточно, и все они, хотя и живописуют реальность рубежа XX–XXI веков, подёрнуты какой-то ретро-вуалью, их персонажи как будто немного не из нашего времени. Пермь была любимой темой художника. На вернисаже Татьяна Пермякова вспоминала, как встретила Филимонова, который рисовал эту театральную оперу и балета, стоя по колено в снегу: с дорожек открывался не тот ракурс.

Филимонов обладал удивительным даром проникнуть в прошлое, сделать его интересным в настоящем и сохранить для будущего. «Морозный день» — пейзаж, в котором лишь заснеженные крыши деревянных домиков и трубы с печными дымами, удивительная пермская лирика, которая не может не отзываться в душе каждого, кто помнит деревянную Пермь, какой она была вовсе не век назад, а гораздо более недавно.

Картины из «Библейского цикла»